и значительностью названных лиц, привели к удивительному исключению: к царскому распоряжению «тот колокол отдать им (монастырским властям, — *О. Б.*) без зачету... и велеть им тот колокол в монастыре беречь. И о том к ним послать государеву грамоту». Запись из «Вседневной книги» имеет существенное дополнение, указывающее, что подобная милость оказывалась монастырю далеко не бескорыстно, а в расчете на ускоренное выполнение данного монастырским колесникам и плотникам военного заказа по изготовлению как транспортных средств для перевозки артиллерийских орудий, так и вспомогательных деревянных частей для гранат, бомб и т. п.[31] Очевидно, именно эти заказы упоминаются ретроспективно в одном из дел Канцелярии Синода, 1721—1724 гг., в котором неоднократно указывается, что «с прошедшего 700-го году... построено для военных походов в Троицком Сергиеве монастыре из монастырского покупного лесу и железа артиллерских всяких деревянных припасов, бомбовых и гранатных трубок, шпиглей и поддонов и картечь шухолных дерев и забойников и мартирных и пушечных окованых и неокованых колес на 9 тысячь на 208 рублев на 19 алтын. И те припасы в Артиллерию на Пушечной двор приняты».[32] В той же «Вседневной книге» под 22 февраля 1701 г. находим запись об отсылке грамоты в Троице-Сергиев монастырь об оковке 50 станов колес и о передаче «образцового колеса».[33]

Стало быть, не только колокольной медью, но и изготовлением «артиллерийских припасов» Троице-Сергиев монастырь в действительности принимал участие в Северной войне.

Царское предписание вернуть в монастырь старинный колокол, уже привезенный на московский Пушечный двор, было явлением исключительным. Ничего подобного не произошло ни с какими другими колоколами, насколько позволяют судить известные нам материалы по Вологде, Угличу, Нижнему Новгороду, Владимиру и Кирилло-Белозерскому монастырю.

Как мы могли убедиться, к весне, в марте 1701 г., в Троице-Сергиевом монастыре узнали из царской грамоты, что один из колоколов, связанный с учеником Сергия игуменом Никоном, не пошел в пушечное дело и подлежит возвращению. Весьма вероятно, что это известие распространилось здесь ввиду его исключительности и приобрело в конце концов легендарную форму чуда; этому способствовала и вся дальнейшая судьба колокола, оказавшегося увезенным с Пушечного двора не в Троицкую лавру, а в Троицкий Богоявленский монастырь, т. е. на Троицкое подворье в Московском Кремле. Здесь этот старинный колокол «от пожару повредился. И по его же указу, великого государя, царя и великого князя Петра Алексеевича, и при сыне его, благоверном царевиче и великом князе Алексее Петровиче, перелит сей колокол в пречестную обитель Сергию и Никону радонежским... в лето... 1708 марта месяца 1 день. А весу

---

[31] До сих пор об участии троице-сергиевских ремесленников в заготовке палуб, телег, трубок, деревянной картечи и тому подобных военных заказов в период Северной войны было известно не ранее 1705 г. Ср.: Н. Е. Бранденбург. Материалы для истории артиллерийского управления в России. «Приказ артиллерии» (1701—1720 г.). СПб., 1876, стр. 156, 210; Д. П. Струков. Архив русской артиллерии, т. I (1700—1718 гг.). Под ред. Н. Е. Бранденбурга, СПб., 1889, стр. 227, 393—394; Каталог архивных документов по Северной войне 1700—1721 гг. Л., 1959, стр. 154, № 1248.

[32] ЦГИАЛ, ф. 796, оп. 1, № $\frac{449}{506}$, 12 августа 1721 г.—11 ноября 1724 г., л. 6 и сл. Ср.: Описание документов и дел, хранящихся в Архиве святейшего Правительствующего синода, т. I (1542—1721). СПб., 1868, стлб. 526.

[33] ГПБ, ф. 38 (Артиллерийский приказ), 5. $\frac{\text{ст.}7}{7}$ 1701—1703 гг., л. 10.